

Н.Е. Никонова

**ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДЧИКИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПЕРИОДИКЕ ТОМСКА КОНЦА XIX ВЕКА
(И.И. ПОЧЕКАС, П.А. ГРАБОВСКИЙ,
А.О. СТАНИСЛАВСКИЙ И П.Л. ЧЕРНЕВИЧ)¹**

Представлены результаты комплексного исследования корпуса переводов, опубликованных в сибирской периодике конца XIX в., которые выступали репрезентацией имагологической интенции в парадигме формирующейся местной субэтнической культуры. Анализируются связанные с иностранной словесностью публикации ведущих критиков и литераторов, внесших значительный вклад в формирование регионального самосознания: И.И. Почекаса, П.А. Грабовского, А.О. Станиславского, П.Л. Черневича. Выявляются их индивидуальные стратегии переводческого, творческого и критического восприятия современных и классических произведений немецких (Новалиса, И.В. Гете, Г. Гейне, Ф. Ницше, Н. Ленау), французских (А. Додэ, Г. де Мопассана, А. Франса), польских (Г. Сенкевича, А.Я. Кониского и А. Немоевского, М. Конопницкой и Ц. Валеvской) авторов.

Ключевые слова: перевод, литературная периодика Томска, русско-европейские литературные связи, литературный регионализм, литература Сибири, И.И. Почекас, П.А. Грабовский, А.О. Станиславский, П.Л. Черневич.

В дореволюционной периодике Сибири газеты университетского Томска занимали особое место: выполняли важнейшую просветительскую и образовательную функцию, служили инструментом воплощения областнической программы по формированию субэтнического культурного самосознания, развитию общественной элиты.

Обращение к инонациональной культуре стало популярным среди корреспондентов ходом, имеющим имагологическое значение. Пере-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области, проект №17-14-70006-ОГН ОГН-Р_СИБ-А.

воды, критические статьи о произведениях зарубежных писателей, рецензии на театральные постановки и известия о новых изданиях их сочинений прочно обосновались среди постоянных рубрик «Сибирского вестника», «Сибирской жизни», «Сибирской газеты» и их приложений начиная с 1880-х гг. Подобной тенденции не наблюдалось в периодике Тобольска, Новониколаевска и Омска.

На первом месте оказалась французская литература (библиография переводов с французского насчитывает более 250 произведений), за ней следовала немецкая (более 180 текстов), польская (85 переводов), английская и американская (не менее 50 публикаций).

На сегодняшний день вполне сложилась методология изучения переводов, опубликованных в томской печати, связанная с парадигмой компаративистики: монографически изучены английская [1], французская [2] и немецкая литература [3] в представлении авторов местных изданий. В публикациях В.Н. Горенинцевой, Ю.И. Родченко, Ю.С. Серягиной и других исследователей освещены интереснейшие факты и истории оригинального восприятия в Сибири творчества отдельных писателей, как классиков, так и авторов второго ряда – Новалиса и Г. Гейне, В. Скотта и Г. Лонгфелло, А. Франса и Мольера. Мы же попробуем взглянуть на корпус собранных благодаря коллективным усилиям текстов переводов, критических очерков и театральных рецензий, связанных с зарубежной и иноязычной словесностью, с точки зрения субъекта восприятия и присмотреться внимательнее к местным авторам этих публикаций конца XIX в. Среди них особо выделяются постоянством интереса к зарубежным веяниям четыре переводчика, творчество которых ограничилось концом XIX – началом XX в.: И.И. Почекас, А.О. Станиславский, П.Л. Черневич и П.А. Грабовский.

Иван Иванович Почекас (ум. в 1906 г.), всегда подписывавшийся, как установлено В.Н. Голдиным, псевдонимом «Иван Северный», был одним из первых поэтов – уроженцев Тобольска, где учился в гимназии, после чего окончил университет в Одессе и вернулся в родной город, а затем переехал в Томск. Тема Сибири, «ностальгия по малой родине, ее просторам – главное в его творчестве» [4].

Наследие И. Северного как переводчика едва ли не более значительно, чем его оригинальное творчество. Среди его публикаций в томской печати конца XIX в. семь переводов из немецкой литературы, пять – с французского языка и более десятка – с польского.

Большинство переводов вышло на страницах «Сибирского вестника» в 1894–1896 гг. Переводы с немецкого – это поэзия классиков, среди которых Новалис (2 публикации), Г. Гейне (3 перевода) и И.В. Гете (1 стихотворение), а также и обратные переводы стихов М.Ю. Лермонтова (2 произведения). С французского И. Северный переводит как поэзию, так и прозу, однако его выбор останавливается исключительно на произведениях с лирическим, мистико-романтическим сюжетом: поэта привлекают сочинения К. Мендеса («Суд над розами» [5. 1894. № 41], «Другой» [Там же. 1894. № 118]), Ж. Леметра («Любовь» [Там же. 1894. № 35]), поэтический отрывок из «Orientales» В. Гюго («У моря я стою в сиянии луны...» [Там же. 1896. № 255]).

В число его переводов польской литературы входят стихотворные и прозаические тексты. Любовная тема в сентиментальном звучании организует нарратив первого же перевода с польского, рассказа «Роза», заглавие которого метафорически отражает образ юной невесты, получившей благословение матери на замужество [Там же. 1894. № 118]. Та же тематика, реализованная в романтическом ключе, воплощается в переводе «праздничного эскиза» «Взглядами», повествующего о возникновении чувств молодых людей во время танца на балу. Завершается история характерным заключением автора: «Грезы улетели, как золотые пылинки с заходом солнца... действительность протянула свою холодную руку между двумя парами глубоких, размечтавшихся очей...» [Там же. 1894. № 102]. Аналогичная стилистика присуща небольшому переводу с польского «Сладкие грезы», главный герой которого видит сон о взаимном нежном признании влюбленных на лоне майской природы («Май, месяц любви и соловьев...» [Там же. 1895. № 103]). Характерно, что публикации именно этих переводов не содержат указаний на имя автора оригинала, которое обыкновенно давалось И. Северным. Можно предположить, что такое решение обусловлено стратегией присвоения, реализованной при переводе сочинений, близких переводчику по художественной манере и стилистике.

В переводах Северного из польской литературы возникает нехарактерная для других его сочинений и переводов тематика, связанная с социальным протестом, общественной несправедливостью, критикой власти. И хотя она облачена в предпочитаемую автором риторику поэтических метафор чувствительного романтизма или штюрмерства, ее присутствие именно в рецепции сочинений польских писателей является

симптоматичным. Наиболее выразительными в данном отношении видятся стихотворные переводы – «Илотка» (из Артура Оппмана), «Чернь Цезарю» (из Марии Конопницкой), «Песнь старцев» (из неизвестного автора). А. Оппман-поэт, по замечанию автора энциклопедической статьи А.И. Яцимирского, «склонен к мечтательности и слезливости, изыщен в своей тоске», что отличает его от «энергичных, стремящихся к абсолюту или влюбленных в себя молодых польских модернистов», а «его нежные и ласкающие стихи, задушевные и жалобные песни не открывают новой области мысли и чувств» [б. С. 348]. Античная образность, любимая И. Северным, во многом определяет и его выбор стихотворения М. Конопницкой, в котором в роли тирана, которому «чуждо состраданье», выступает Цезарь: «Ave Caesar!.. Как мы рады, / Что тяжелою стопою / Ты гнетешь народ» [5. 1896. № 216].

Особый интерес представляет критический разбор социальной драмы Р. Фосса «Ева» («Eva. Schauspiel in fünf Aufzügen», 1889), где И. Северный рассуждает о разнице вкусов немецкой и русской публики. Автор справедливо отмечает, что драма Фосса, «в Германии пользовалась сравнительно большим успехом», но подчеркивает, что она «никогда не дожидется того же на русской сцене», потому что «деланная, слащаво-сентиментальная мелодрама эта как нельзя более соответствует вкусам немецкой бюргерской публики, но русский зритель, более тяготеющий к реально-правдивому как лежащему в характере художественных запросов русской природы, не может удовлетвориться ею; он требует от сцены, прежде всего, живых образов действительности» [Там же. 1895. № 130]. Очевидно, ортодоксальные вкусы рецензента не могли быть удовлетворены образом главной героини-убийцы, отомстившей обидчику и получившей прощение возлюбленного перед собственной смертью в финале. Действительно, характер Евы, в котором Фосс воплотил современные феминистические идеи европейского общества, не соответствовал положительным женским образам, созданным в классической русской литературе, т.е. высокому идеалу страдающей, способной к самопожертвованию, глубокой и тонкой натуре героини.

И. Северный выступал и в роли театрального критика томских постановок зарубежных пьес. Его немногочисленные отзывы, как правило, более благосклонны, чем, к примеру, оценки критика В. Долгокурова. Так, о томском спектакле «Цыганка Занда» в январе 1896 г.

по пьесе Л.А. Гангхофера «Hochzeit von Valeni» И. Северный писал как о «чрезвычайно интересной и содержательной» драме, которая «прошла с большим успехом» и оставила «впечатление очень приятное» [5. 1896. № 16].

С одной стороны, И. Северный (И.И. Почекас) во многом определил характер резонантного восприятия инонациональных литератур сибирскими читателями, и творческая индивидуальность сибирского поэта отразилась на характере этой рецепции. С другой стороны, художественные переводы служили сибирскому поэту своего рода творческой лабораторией по оттачиванию собственной манеры и поэтического слога.

Иные содержание и направленность имела деятельность поэта-переводчика Павла Арсеньевича Грабовского (1864–1902), посвятившего свои публикации на страницах томской печати исключительно украинской (малороссийской) литературе. Однако его выразительная стратегия презентации художественного наследия одной из окраин Российской империи хотя и отличалась от сдержанной манеры И.И. Почекаса, все же имела тот же ориентир в виде поэзии эпохи романтизма.

Прославленный украинский поэт П.А. Грабовский, который подписывался «Павел Граб», опубликовал в томской печати 1896–1901 гг. ряд публицистических очерков и стихотворений на украинском языке, а также не менее 12 переводов, 11 из них стихотворные и 10 имеют помету «с малороссийского». Грабовский попал в Сибирь в результате неоднократных выступлений против власти в Харькове и участия в народническом движении: в 1888 г. он был сослан в Иркутскую губернию, после восстания политических ссыльных в Якутске в марте 1889 г. отправлен в Вилюйск, впоследствии жил в Барнауле и Тобольске, где и скончался в 1902 г. Его попытки бежать не увенчались успехом [7]. Произведения поэта полны протеста.

Вышедшие в томской печати русские переводы Грабовского из И.Я. Франко, Т.Г. Шевченко, О.С. Маковея, А.Я. Кониского и А. Немоевского – значимое явление в региональной литературной жизни. Первый из переводов вышел в «Сибирском вестнике» в 1896 г. [5. 1896. № 10]. Рассказ Франко «Хороший заработок» представлял антистилизацию сказочной истории о чудесном помощнике-старике, встретившемся нищему крестьянину и пообещавшем ему награду за службу. В результате семья осталась при своем и в то же время ни

с чем, поскольку чиновники обложили ее налогами и распродали оставшееся, тем самым подтверждая слова старика о том, что «с голого нечего содрать». Надо заметить, что единственный прозаический перевод Грабовского предшествовал считающемуся каноническим переводу Леси Украинки, опубликованному спустя 7 лет. В том же 1896 г. Петр Граб опубликовал в «Сибирском вестнике» свой первый перевод одного из известнейших стихотворений Т. Шевченко «Огні горять, музика грає» (1850). Примечательно, что последние строки в переводе получили характерную романтическую огласовку, выраженную в призыве к борьбе, который не очевиден в оригинале. Слова Шевченко «Чого ж я плачу? / Мабуть шкода, / Що без пригоди, мов негода, / Минула молодість моя» в трактовке Граба звучали по-иному: «О чем же плачу горько я? / Что без борьбы за право счастья / Во мгле холодного ненастья / Погибла молодость моя» [5. 1896. № 35]. И все же, несмотря на подобную тональность, переводы Граба продолжали печатать, в том же году вышли еще пять его стихотворений-переводов из Шевченко [Там же. 1896. № 40, 44], Маковея [Там же. 1896. № 37] и Франко [Там же. 1896. № 38]. При этом строки из стихотворения Франко, выступавшего за союз России и Украины и отсоединение последней от Австро-Венгрии, в устах сибирского каторжника Грабовского обрели иное звучание:

В отважный бой
За честное, святое дело
Помчусь и радостно, и смело,
Отчизне жертвуя собой,
Не отступая пред борьбой.

В следующий раз русские переводы Грабовского вышли спустя 5 лет в другом томском издании. Газета «Сибирская жизнь» опубликовала пять стихотворений с подписью его полного имени: «П. Грабовский». Автор обратился к поэзии на социальные темы, сюжетам из будней рабочих и крестьян, что отражало нарастающую политизацию регионального общественного сознания. Из сочинений современников Грабовский выбрал стихотворение А. Кониского о доле пахаря, который «под гнетом мук, нужды, неволи» все же «не проклинает скорбной доли» [8. 1901. № 77], и этюд польского поэта А. Немоевского, где в образе циклопов изображены противники социальных изменений: «Все старое рухнет; нет, развалиться / Циклопы ему не дают...» [8. 1901. № 95].

Последние стихотворения «Солнце заходит за темные горы...» и «Кукует кукушка...» [Там же. 1901. № 111] взяты Грабовским из наследия любимого им Шевченко и по своей тональности заметно отличаются от революционного протеста первых публикаций. Лирические строки проникнуты чувством тоски по малой родине и предчувствием ухода. Вероятно, автор ожидал близкую кончину от туберкулеза. Заключительный перевод, в отличие от всех прочих, не является точным и лишь кратко намечает канву оригинала в одном восьмистишии, уменьшительно-ласкательные формы при этом нивелируются, трансформация текста заметна с первых строк (в сопоставлении с каноническим русским переводом):

Перевод П. Грабовского
Куковала кукушка
В зеленом лесу,
Изводит кручина
Девуцу-красу...

Перевод М. Комиссаровой
Куковала кукушечка
В зеленом лесочке,
Заплакала дивчинонька –
Нет у ней дружочка.

Появившаяся на страницах томской печати благодаря Грабовскому поэзия украинских поэтов представляла актуальные для местного читателя темы узничества, одиночества, несвободы в фольклорном, песенно-лирическом воплощении. Личные переживания поэта, инспирированные арестом и ссылкой, усиливали автобиографическое звучание его переводов, акцентировали авторскую экспрессивность и определили выбор в пользу романтической лирики Т.Г. Шевченко периода оренбургской ссылки, стилизованной под украинский народно-песенный репертуар [9]. В тобольской газете Грабовский высказался и как критик: известны его очерки о поэзии Т.Г. Шевченко, в которых автор отмечает среди главных достоинств его поэзии «глубокую народность», «широкий гуманизм» [10. 1901. № 43], «идеалы человеческого братолюбия», «обаятельную безыскусственность выражения» [Там же. 1900. № 22], которая сопоставима с пушкинской, а иногда даже превосходит ее. В «Сибирском листке» опубликованы его оригинальные стихотворения, которые проникнуты элегическим звучанием и посвящены узническим мотивам, отражая биографизм лирики [11].

Художественный перевод стал для Грабовского способом выражения собственных творческих и личностных интенций, видом полити-

ческой активности и в то же время возможностью общаться с широким кругом публики, которой он был лишен как автор собственных творений. По своему характеру межкультурное посредничество Грабовского-автора томских публикаций отличается стремлением к сохранению этнокультурной самобытности и этнической идентичности, об этом свидетельствует его ориентация исключительно на украинорусский перевод и сам корпус выбранных текстов, маркированных лингвокультурной спецификой. Известно, что он был талантливым переводчиком с западноевропейских языков, а также с языков народов Российской империи на украинский. С одной стороны, его русские переводы в печати Томска отражают представления противника искусства для искусства, каковым считал себя Грабовский. С другой стороны, такое настроение было характерно и для самой многочисленной диаспоры в Сибири и на Дальнем Востоке 1890–1900-х гг. – украинской. Историки отмечают, что представители украинской интеллигенции стремились создавать культурно-просветительные организации для ознакомления с историей развития и современного положения Малороссии, в конце XIX в. в Сибири популярность обрели украинские труппы артистов. Активно развивавшееся в университетском Томске рубежа веков театральное искусство не осталось в стороне, был основан кружок любителей драматического малороссийского искусства [12. С. 333], имели успех и гастролирующие спектакли. В томской периодике, помимо публикации Грабовского, были представлены перепечатки переводов рассказов И. Франко из «Волины», «Орловского вестника» и «Северного края» [8. 1903, № 92; 1904, № 164].

Иной тип переводчика, по-своему реализовывавшего программу по просвещению населения и формированию образованной элиты, представляет этнический поляк Артур Оскарович Станиславский (1845–1897), который оказался в Томске по собственной воле, уже будучи в зрелом возрасте и имея богатый опыт общественной, издательской, литературной и производственной деятельности в России и Европе. Станиславский успел познакомиться с немецкой и французской культурой, спасаясь от преследования после восстания 1863 г. Он хорошо знал и восточные регионы Российской империи благодаря службе на коях Урала и Алтая по возвращении из-за границы. Его отец Оскар Петрович более 15 лет работал цензором в Варшаве и осу-

ществуял издание «Encyclopedia Polska», привлекая к этому сына. Поселившись в Томске, А.О. Станиславский продолжал переводить и писать для сибирских, польских и французских газет на разные темы.

Его переводы в томской периодике представляют собой значительное собрание зарубежной прозы: с 1890 по 1895 г. было опубликовано более 40 переводов А.О. Станиславского с французского языка, среди них подборки рассказов А. Доде (5 переводов) и Г. де Мопассана (6 новелл), а также множество произведений, авторство оригинальных текстов которых не указывалось. Предпочтения переводчика открываются в выборе историй с выраженной иронической доминантой, типичных анекдотов для увлекательного чтения, передающих историко-культурный колорит Европы времен франко-прусского противостояния, а также психологических детективных рассказов из жизни представителей различных социальных слоев. Станиславский концентрируется на передаче сюжетов в доступном читателю изложении, снимая трудности восприятия, связанные с обилием иностранных реалий и имен. Так, в новелле Мопассана «Роза» Пьер Куртен (Pierre Courtin) превращается в «Петра К.», Франсуа Пинго (François Pingau) – во «Франца П.», а Жан-Николя Лекапе (Jean-Nikolas Lecapet) становится «Иваном Николаем Лекапе»; обращение «мадам» (madame) заменяется на привычное «барыня». Не вдаваясь ни в философские рассуждения, ни в излишнюю сентиментальность, Станиславский избегает как малоинформативных для сибиряков подробностей политической истории, так и яркой эмоциональной окраски, придерживаясь реалистической трактовки сюжетов французских прозаиков.

Новомодные декадентские и символистские склонности отвергаются Станиславским-критиком, ориентированным скорее в духе реализма. Подтверждением тому служит его очерк, посвященный биографии Мопассана, где автор без восторженности признает объективную причину заболевания классика в его наркотической зависимости и называет это пристрастие французских литераторов «сумасшествием»: «Оказывается, что Мопассан вел неправильную и довольно распущенную жизнь, а принимая за литературный труд, возбуждал себя одуряющими средствами» [5. 1892. № 21].

Репертуар переводов Станиславского из А. Доде укладывается в ту же эстетическую систему. В период с 1890 по 1894 г. в «Сибирском вестнике» публикуются пять его переводов из сборника А. Доде

«Рассказы по понедельникам» («Партия на биллиарде», «Знаменосец», «Пирожки», «Плохой зуав», «Прусак Велизария»), при этом художественное своеобразие ироничного нарратива о злоключениях героев представляется томскому читателю с достаточной степенью адекватности.

Если говорить о подборке переводов Станиславского с польского, то события пяти из выбранных переводчиком рассказов разных авторов происходят на фоне военного противостояния немцев и французов. Так, в переводе из И. Рогоша «Жанетта» [5. 1893. № 7, 10] повествуется о том, как юная особа провела прусского офицера, заставив его мерзнуть на балконе; в рассказе «Буланжист» из Ц. Валевской иронически рисуются перипетии в жизни носителя реваншистской идеи, завершающиеся аполитичным увещанием автора: «Дурак только тот, кто грустит» [Там же. 1894. № 7]. В переводе под названием «С караула» рассказывается о незавидной судьбе дезертира [Там же. 1894. № 69]. В рассказах «Нарочный» и «Поденщик» раскрываются необычные истории из повседневных будней «простых мужиков», встретивших на своем пути чудесные или забавные явления, что сближает их с жанром «необыкновенных происшествий», или анекдотов, популярных в западноевропейской литературе. О таком же случае из жизни литератора, возвращающегося с заработком домой, идет речь и в «Приключении в вагоне» [Там же. 1895. № 134]. Развлекательно-юмористический характер приобретает интрига в рассказе «После спектакля», в котором посещение театра, которое должно было стать сюрпризом на годовщину свадьбы, расстроило молодую супружескую пару. Удрученный герой истории заключает: «Прежде было иначе. Бывало, смотришь грустную пьесу, а все-таки человек веселее возвращался домой, теперь же... он только рукой махнул. Нужно еще и деньги платить за то, чтоб нам жизнь отравляли?.. Ну, теперь – дудки, во второй раз не поймут» [Там же. 1894. № 60].

Таким образом, индивидуальные предпочтения переводчика определяют художественную манеру, сюжетное своеобразие и тематику выбранных им произведений, при этом значимость имени автора польского оригинала не является принципиально важной. В фокусе внимания Станиславского находятся как снискавшие мировую славу Г. Сенкевич (1 новелла [Там же. 1891. № 21]) и М. Конопницкая (1 произведение [Там же. 1893. № 17]), так и менее известные беллетристы М. Балуцкий, И. Рогош и Ц. Валевская. В отношении текстов, авторство

оригиналов которых определено на сегодняшний день, можно утверждать, что повторно Станиславский обращается только к творчеству Ц. Валевской (урожденной Залеской), выбрав для перевода ее рассказы «Нет!», «Буланжист» и «С караула». Самым известным из переведенных является эскиз М. Конопницкой «Со взломом», вольный сокращенный перевод которого был размещен на страницах «Сибирского вестника» за 1893 г.

С уверенностью можно говорить о заглавной роли А. Станиславского в организации межкультурного трансфера, просветительской деятельности и формировании стратегии «Сибирского вестника» как печатного органа. Деятельность переводчика имела культуртрегерское значение, не ассоциируясь ни с одной из лингвокультурных традиций в большей степени, чем с иной. Находясь на пересечении культур и цивилизаций, Станиславский представляет все же западную, европейскую модель мировоззрения. Выбранные им для перевода рассказы исполнены в основном в реалистическом стиле и реализуют актуальный фон историко-культурных событий (армейская жизнь, будни интеллигента, судьбы арестантов), в большинстве случаев герои его переводов в юмористическом ключе воспроизводят образы современников, понятные томской публике.

Различные стратегии перевода сочинений иностранных авторов, характерные для деятельности сибирского поэта И.И. Почекаса (И. Северного) и представителя европейской интеллигенции А.О. Станиславского, обнаруживают одну важную общую тенденцию, которая заключается в ориентации на польскую словесность. В Сибири рубежа веков сформировалась благоприятная для восприятия данной иноэтнической культуры почва, которую представляла местная польская диаспора. В конце XIX – начале XX в. польское население Сибири составляло, по данным переписи 1897 г., 23 985 человек [12. С. 516]; в Томской губернии было более 60 населенных пунктов, где проживали польские переселенцы в количестве 20 и более человек [12. С. 517]. Российские и местные власти небезосновательно считали перспективными потенциал поляков в колонизации Сибири и возможность положительно влиять на сибирское население. Только 1890-е гг. в университетском Томске, где издавалась большая часть анализируемых периодических литературных изданий, была открыта первая польская библиотека, организовано католическое благотворительное общество, положено начало строительству интерната для польских детей,

получено благословение папы Леона XIII для Томского прихода [12. С. 320]. На страницах периодики появляется образ поляка-ссыльного, сближающийся с образами декабристов и транслируемый в первую очередь областниками, симпатизировавшим идеям автономии, с одной стороны, а с другой – инициировавшим тщательное изучение Сибири. Именно они посредством публицистических заметок вводят в научный оборот большое количество новых (в основном местных) источников, освещающих историю сибирской колонии [13] и включающих ее таким образом в контекст сибирской жизни. Переводы с польского следует рассматривать как часть этого процесса.

Еще одна индивидуальная стратегия, определяющая атмосферу томской периодики конца XIX в., представлена в многочисленных публикациях Петра Львовича Черневича. Если А. Станиславский, И. Северный, П. Грабовский создают преимущественно художественные переводы, то П. Черневич выступает и в качестве обозревателя современных философских идей, актуальной европейской мысли, задавая тон их восприятия среди развивающейся университетской общественности и населения в целом. О личности и биографии Черневича известно немного, скорее всего, он не был сослан, поскольку сохранилась информация о том, что он был занят в системе государственного управления, работал в должности губернского секретаря вплоть до 1900 г., похоронен на одном из томских кладбищ.

Среди публикаций П.Л. Черневича, который печатался только на страницах «Сибирского вестника» 1893–1897-х гг., находятся не менее 20 переводов и не менее 15 критических, предметно-тематических обзоров на самые острые темы, связанные с вопросом о взаимоотношении полов и литературно-философскими течениями эпохи *fin de siècle*. Среди художественных переводов автора преобладают прозаические переводы с немецкого (11 произведений), на втором месте в его репертуаре находятся французские (не менее 5 рассказов) и английские (не менее 4 текстов) писатели. Большая часть переводов была напечатана в 1893 г., менее трети вышло в 1894 и 1896 гг. В то же время пик деятельности Черневича-критика приходится на 1895–1896 гг., когда в томской периодике появились циклы его аналитических заметок о французской и немецкой литературе, в частности о самых обсуждаемых и неоднозначных представителях европейской мысли. От переводов он пришел к оригинальному творчеству публициста, но его мировоззрение и идейные приоритеты оставались постоянными и были

связаны с традиционными ценностями русской литературной классики, христианской аксиологией и умеренным консерватизмом.

При выборе произведений для перевода Черневич ориентировался, судя по всему, не на классические образцы (как И. Северный) и не на центральную печать Европы (как А. Станиславский, бывший обозревателем во французской «Figaro»); не продвигает он и какой-либо этносубъектной (инородческой) доктрины. Обращаясь к различным лингвокультурным традициям, Черневич выбирает в качестве источника издания для домашнего семейного чтения, как, например, малоизвестный иллюстрированный немецкоязычный журнал для женщин и всей семьи «Freya, illustrierte Blätter für die gebildete Welt». Подборка рассказов из «Фрей» в переводе Черневича выходит в 1893 г. [5. 1893. № 58, 67], при этом автор выбирает трогательные истории о маленьком человеке и счастливом избавлении от бедствий. Одна из них связана с разрешением дела о союзе влюбленных, получивших неожиданное наследство дядюшки, другая – о просьбе матери французского солдата не стрелять в ее сына, которую исполнил ее постоялец, прусский офицер.

Последующие переводы с немецкого, выполненные Черневичем, имеют схожие сюжеты и представляют собой сентиментальные зарисовки о страданиях и гибели простых людей, таких как, например, бедный старик-извозчик в рассказе «Мина», потерявший самых дорогих людей и нашедший успокоение в общении с лошастью [Там же. 1893. № 79], отдавший здоровье научным опытам студент, погибающий от чахотки и влюбленный в дочку графа [Там же. 1896. № 97], или же невзрачный служащий банковской конторы, от черствости окружающих покончивший с собой на могиле сестры [Там же. 1893. № 108]. Даже рождественский рассказ в переводе Черневича посвящен умершему мальчику Фрицу, наблюдающему в окно за балом богатых и веселых господ и зовущему свою мать [Там же. 1893. № 150].

Элегическая мортальная тематика организует и единственный стихотворный перевод томского автора [Там же. 1893. № 31]. Стихотворение Н. Ленау «An meine Gitarre» репрезентирует основные природные образы (леса, стаи птиц, ветра) и элегические мотивы его поэзии (оплакивание утрат и ушедшей молодости, потеря возлюбленной, призрачность мечтаний). П. Черневич адаптирует их так, что читатель перевода без труда узнает поэтику русских элегий и баллад. Эта «поэтика узнавания» (Л.Я. Гинзбург) позволяет воссоздать атмосферу

меланхолии. Переводчик реконструирует своеобразие оригинала с помощью принципиальных черт русской лирики пушкинской поры, главным образом «кладбищенской» и «унылой» элегии. Устойчивые эмоционально-оценочные эпитеты В.А. Жуковского наполняют русский перевод, не имея точных соответствий в оригинале: «тоскливо» («с тоской»), «скудно», «грустно», «милый», «мой нежный друг», «темнеет тихо» и др. Томский переводчик изменяет сюжет стихотворения Ленау таким образом, что на первый план выходит мотив любви «за гробом», воспоминание об ушедшем «верном и славном друге» нивелируется. Сравним с довольно точным в сюжетном отношении переводом Левика:

В.В. Левик

Не ты ли, друг мой? Ближе! Ближе!
Не ты ль зовешь из темноты?
Моя любовь, о подойди же!
Ты здесь! Ответь, со мной ли ты?

Увы! Ни друга, ни любимой!
Их голоса. То был обман!
Лишь ветер свищет нелюбимый,
И не подаст руки туман

[14. С. 326].

П.Л. Черневич

Ты здесь, голубка дорогая!
Твои я вижу здесь черты!
Тебя я долго звал, рыдая...
Скажи, родная, это ты?

Она молчит... Мне нет привета.
О где же ты, мой бледный друг?
А лес шумит, – и без ответа
Темнеет тихо все вокруг

[5. 1893. № 31].

В русский текст вплетаются и очевидные реминисценции балладного мира Жуковского: суггестия таинственного молчания («молчишь», «замолкла», «не слышна», «беззвучно», «затихло», «без ответа») и звук гитары, «призраки толпою», «виденья из гробов» и знаменитое «Чу!»: «Толпой виденья принесутся / Из темных к нам своих гробов»; «Чу! Первый звук слетел вдруг вяло, / С тоской из-под руки моей»; «И призраки толпою милой / Со всех сторон ко мне спешат».

Аналитические очерки Черневича-публициста, следовавшие за его переводами, посвящены, главным образом, новомодным веяниям французской литературы, философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, а также аналитической психологии Ч. Ломброзо. Первый же разбор затрагивает основную тему болезни общества и авторский взгляд критика. Представляя свой перевод статьи итальянского социолога и историка Г. Ферреро «Больны ли мы?», напечатанной во французском журнале «La Revue des revues», вслед за автором П.Л. Черневич рассуждает о причинах невроза и пессимизма, охватившего европейское

общество конца XIX в. [5. 1893. № 107]. Патологические проявления человеческой психики, обнаруживающиеся в учении немецких философов, творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Э. Золя и других писателей, согласно мысли историка, не следует напрямую переносить в жизнь. Читатель должен опираться только на «свой личный опыт», воспринимать упаднические настроения героев и характер их среды сквозь призму «своего личного опыта», понимая, что искусство и литература являются вымыслом и «никогда не в состоянии дать нам чистую истину». Важно, что Ферреро, а за ним и Черневич, настаивает не только на верности традиционным ценностям, но и на приоритете науки перед искусством, что для читателей университетского Томска, очевидно, было узнаваемым маркером, определявшим актуальность этого перевода. Черневич полемизирует с Ферреро лишь в том фрагменте, где он действительно слишком прямолинеен, поскольку утверждает: «Нормальное состояние человеческой души – это не удовольствие и не страдание, а индифферентность» [Там же. 1893. № 107]. К этой сентенции переводчик делает подстрочное примечание: «Здесь Ферреро неправ; нормальным состоянием нашим является не индифферентность, а наоборот, ничем не удовлетворимое стремление к новому, неизведанному, стремление, в котором и выражается сама жизнь» [Там же. 1893. № 107]. Очевидно, сибирскому автору импонирует основная мысль ученого о том, что в противостоянии болезни *fin de siècle*, упадку нравов, депрессии и пессимизму «высшей обязанностью» необходимо признать «подавление личного», так как наши небольшие страдания ничего не значат сравнительно с необъятным существованием природы», и «страсть тогда никогда не затемнит ясного понимания» [Там же. 1893. № 107]. Так тема страдания, реализовавшаяся в художественных переводах Черневича в сентиментально-романтическом ключе, продолжает последовательно осмысляться в публицистических переводах.

Впоследствии противостояние П.Л. Черневича декадентским настроениям реализуется в его апологии высокого любовного чувства и критике антирелигиозных тенденций в европейской культуре. Прежде всего, соответствующую оценку получают французские писатели, «считающие исследование любви своим предметом» [Там же. 1894. № 10]. По мнению томского автора, они «скорее затемняют процесс зарождения ее, чем разъясняют его. Только немногие труды, как, например, некоторые романы Толстого, Бальзака, Поля Бурже,

Ги де Мопассана, могут оказать помощь исследователю в деле любви» [5. 1894. № 10]. В этом же 1894 г. он отзывается на роман Э. Золя «Лурд», сообщая о его запрете церковью из-за кощунственного отношения автора к религии [Там же. 1894. № 130], и в следующей статье замечает, что «как писатель с зорким взглядом, Золя не мог не заметить современного религиозного кризиса, но он посмотрел на него поверхностно. Любовный мотив заглушил страшную драму скептицизма, жажда веры смешана с жаждой любви, искренность заменена развязностью» [Там же. 1894. № 143]. В 1895 г. в некрологе о А. Дюма-сыне обозреватель пишет:

Дюма никогда не защищал пороков, напротив, он всегда стремился вывести их на чистую воду и карать. Он восставал против современной любви, утратившей всякую нравственную красоту, против разврата и цинизма, которыми заражена наша цивилизация, против лицемерия и прочих гадостей, вызывающих негодование в каждом честной человеке [Там же. 1895. № 160].

В 1896 г. Черневич дает свой разбор романа Э. Золя «Рим», критикуя «довольно поверхностное осмысление» вопросов религии: «Сила христианства вовсе не в папах и черном мире, а прежде всего в нем самом, <...> но Золя так глубоко не заглянул вглубь вещей, оставаясь по-прежнему строгим протоколистом» [Там же. 1896. № 166]. Критическое восприятие творчества Золя и других французских писателей выступает для Черневича способом выражения собственных философско-эстетических взглядов.

Отдельная тема публикаций томского автора связана с творческим усвоением и переосмыслением идей Ф. Ницше, определивших дух времени конца XIX в. в неменьшей степени, чем произведения французов.

В 1895 г. в рубрике «Очерки заграничной жизни». П.Л. Черневич сообщает читателю о выходе скандально известной книги Ницше «Антихрист» и некоторых обстоятельствах ее издания:

Это последний том сочинений наделавшего столь много шума философа, сошедшего с ума еще в 1888 г. До последнего времени мать и сестра отказывались печатать последнюю рукопись несчастного больного, но в конце концов, к сожалению, согласились [Там же. 1895. № 27].

В том же году Черневич продолжает свою ницшеану в анализе романа Д.С. Мережковского «Отверженный» (1895). Рецензент отзывается о произведении одобрительно, прочитывая его ницшеанские мотивы адекватно современности:

Перед вами «сверхчеловек», дерзающий на все, восставший против богов и думающий преобразовать мир, сделать его снова столь же прекрасным, каким он был некогда, во время древних героев и великих мудрецов. Но мир уже позабыл старые идеалы. Они перестали быть понятными для него и к ним не вернут уже его никакие сверхчеловеческие усилия. Сверхчеловек поэтому должен погибнуть [5. 1895. № 93].

Сверхчеловек Ницше, а за ним и Мережковского, предстает в статье сибирского критика последним романтиком, Черневич подчеркивает конструктивность этого образа и предвещает, по сути, то толкование, которое философы Ницше найдут в русском неоидализме начала XX в. Так, тенденция к романтизации, аксиологическому консерватизму, вере в незыблемость вечных моральных ценностей прошлого, в частности прошлых периодов словесной культуры, оказывается характерной для провинциальной рецепции западной мысли.

Образ сумасшедшего философа Черневич разворачивает далее в подробной статье «Проповедь безумца» [Там же. 1895. № 151]. На риторический вопрос «Не безумец ли он, не зазнавшийся ли пророк?» автор очерка дает утвердительный ответ, подчеркивая, что душевный недуг – воздаяние, постигшее «странного апостола» («судьба страшно наказала его»). Черневич пересказывает идеи Ницше, признавая разрушительную силу его таланта, но в то же время отдает должное художественному гению германского философа.

Редкий писатель, – замечает автор статьи, – сумеет вылить какую-нибудь группу мыслей в такую краткую и вместе с тем художественную форму, какой отличаются многие афоризмы Нитче. <...> Они действительно поражают не только силою языка и изумительным мастерством в передаче самых неуловимых оттенков мысли, но и красотою своей формы, обладающей прелестью пластики и музыки» [Там же. 1895. № 151].

Очерк Черневича представляет собой характерный пример (анти)ницшеанства, повторяет его логику и опорные постулаты мифотворческого характера, к примеру, симптоматичное утверждение о

польских корнях философа: «Для русской публики учение Фридриха Нитче должно представлять двойной интерес. Во-первых, потому что он славянин по происхождению; во-вторых, потому что он один из наиболее оригинальных и сильных, если не самый оригинальный и сильный противник Толстого» [5. 1895. № 151]. Отец Ницше оказывается «польским шляхтичем по происхождению (Nietzki)». Такая родословная значительно приближала фигуру немецкого пророка к сибирской публике, заметную часть которой составляли переселенные поляки.

Завершает свою заметку Черневич разбором историко-культурных предпосылок, породивших феномен популярности философии Ницше. Умозаключение критика о логике движения европейской мысли от традиционных христианских идеалов к философии Шопенгауэра, заразившей общество «безнадежностью и разочарованием» и обернувшейся жадной новой «веры и надежды», которую утолили поиски «счастья в самом себе», представляется довольно зрелым для последнего десятилетия XIX в.

Последний перевод П.Л. Черневича (рассказ малоизвестного французского автора) опубликован в 1896 г., в нем повествуется о смерти двух соперников, сорвавшихся с циркового каната при попытке отстоять свою честь, т.е. переводчик не оставил своих предпочтений в области романтической тематики, выбрав понятный для русского читателя мотив дуэли злодея с положительным главным героем [Там же. 1896. № 15]. Последняя публикация журналиста вышла в ноябре 1898 г. и была посвящена делу Дрейфуса, при этом томский обозреватель заключал: «Франция более чем когда-либо нуждается в упорядочении внутреннего своего устройства и в людях, которые могли бы произвести необходимые реформы» [Там же. 1898. № 241].

Наследие центральных авторов-переводчиков иностранной литературы, печатавшихся на страницах томской периодики конца XIX в., отражает многоголосие культурного самосознания, активно развивавшегося в университетском центре Сибири. Будучи разнонаправленными по своему масштабу и воплощению векторы межкультурного трансфера, реализовавшиеся в циклах избранных публикаций сибирского поэта И.И. Почекаса, ссыльного украинца-революционера П.А. Грабовского, представителя польской интеллигенции А.О. Станиславского и томского общественного деятеля П.Л. Черневича, объединяются в горизонте местных изданий за счет центральной интенции

последних к реализации программы, направленной на формирование региональной интеллигенции.

С одной стороны, проанализированные художественные стратегии ряда авторов-переводчиков дореволюционной эпохи имеют выраженное своеобразие и не детерминированы исключительно политической или социальной тематикой. В циклах переселившихся в Сибирь не по собственному желанию Грабовского и Станиславского реализуются автобиографические мотивы: узническая тема и колорит франко-прусской войны, предпочтение родной словесности в качестве словесной культуры-донора. Сибирские авторы Почекас и Черневич в большей степени ориентированы на передачу универсальных программных воззрений на актуальные современные и классические литературные, театральные и философские произведения различных инациональных культур. С другой стороны, переводная литература Томска последних десятилетий XIX в. обнаруживает и ряд общих черт, сопряженных с устремлением к признанным жанровым образцам романтической эпохи в различных ее проявлениях: от сентиментальных, элегических и узнических мотивов до любовной тематики как в прозе, так и в поэзии.

Местная историко-политическая ситуация представляла благоприятную среду для развития прослойки образованных людей, занимающих активную гражданскую позицию, живо интересующихся последними тенденциями в мировой литературе, искусстве и науке, ориентированных на традиционные субэтнические ценности. Новые настроения и новые имена принесет начало XX в. в связи с изменением историко-политического положения в регионе и взаимоотношений Сибири с имперским центром. Умеренный консерватизм и просветительство, идеализм и ориентация на классические образцы при определении собственной позиции по отношению к актуальным культурным процессам за рубежом в публикациях переводчиков постепенно сменяются на социально ориентированные, окрашенные идеологически или этнически сюжеты в переводах и псевдопереводах Г.А. Вяткина, Г.А. Гребенщикова, И.А. Иванова.

Литература

1. Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия / В.Н. Горенинцева, Н.Е. Никонова, Д.А. Олицкая и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000551807>

2. Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия / Н.Е. Никонова, Д.А. Олицкая, В.Н. Горенинцева и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000551810>
3. Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия / Н.Е. Никонова, Ю.С. Серягина, Д.А. Олицкая и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000538818>
4. *Голдин В.Н.* Забытые имена тобольских поэтов // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/2014/06/04/388>
5. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1884–1905. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000349027>
6. *Яцимирский А.И.* Оппман Артур // Энциклопедический словарь. СПб. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1906. Доп. т. 2: Кошбух–Прусик. С. 348–349.
7. *Славнин П.* Поэт-революционер // Томск : лит.-худож. сб. / редкол.: Н.Ф. Бабушкин (отв. ред.) и др. Томск, 1953. Вып. 7. С. 73–77.
8. Сибирская жизнь : газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1894–1919. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000349025>
9. *Ларкович Д.В.* К вопросу о природе модальности в лирике Т.Г. Шевченко периода оренбургской ссылки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 3 (203). С. 25–31.
10. Сибирский листок. Тобольск, 1890–1919.
11. *Платонова И.Ф.* Павло Грабовский в Тобольске // Украина–Западная Сибирь: диалог народов и культур : посвящается 60-летию Тюменской области – 140-летию со дня рождения П. Грабовского : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2004. С. 56–59.
12. Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2010. 640 с.
13. *Чернова И.В.* Образ поляка в сибирских периодических изданиях конца XIX – начала XX в. // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии Российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири. Омск : Полиграфический центр КАН, 2015. С. 354–361.
14. Европейская поэзия XIX века. М. : Художественная литература, 1977. 928 с.

TRANSLATION AND TRANSLATORS IN TOMSK LITERARY PERIODICALS AT THE LATE 19TH CENTURY (I.I. POCHEKAS, P.A. GRABOVSKY, A.O. STANISLAVSKY AND P.L. CHERNEVICH)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2018, 9, pp. 30–52. DOI: 10.17223/24099554/9/3

Natalia Ye. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: translation, Tomsk literary periodicals, Russian–European literary connections, literary regionalism, Siberian literature, I.I. Pochekas, P.A. Grabovsky, A.O. Stanislavsky, P.L. Chervich.

The paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Administration of the Tomsk Region (Project No. 17-14-70006-OGN OGN-R_SIB-A).

Translations, critical articles about works of foreign writers, reviews of theatrical productions and information about new editions made an integral part of the content in *Sibirsky vestnik*, *Sibirskaya zhizn*, *Sibirskaya gazeta* and their applications since the 1880s. This trend was not found in the periodicals Tobolsk, Novonikolaevsk and Omsk. The paper focuses on four translators of the late 19th – early 20th centuries, who demonstrated constant interest to foreign literary trends: I.I. Pochekas, A.O. Stanislavsky, P.L. Chernevich and P.A. Grabovsky. The translation heritage of I. Severnyy (pseudonym of I.I. Pochekas) forms a more significant part than his original creativity. It includes seven translations from German literature, five translations from French and more than a dozen translations from Polish. Most of his translations were published in *Sibirsky vestnik* in 1894–1896. His German translations include classic poetry (two from Novalis, three from Heine and one from I.V. Goethe) as well as reverse translations of two M.Yu. Lermontov's poems. He also translated poetry and prose from French, focusing on works with lyrical, mystical and romantic plots. In 1896–1901, a famous Ukrainian poet P.A. Grabovsky (Paul Grab) published in the Tomsk press a number of journalistic essays and poems in the Ukrainian language as well as twelve translations, eleven of which were poetic, with ten marked as “from Little Russian.” His translations from I. Ya. Franko, T.G. Shevchenko, O.S. Makovey, A.Ya. Konisky and A. Nemoyevsky were a significant phenomenon in the regional literary life. The first of these translations was published in *Sibirsky vestnik* in 1896. In its turn, *Sibirskaya zhizn* published five poems signed by P. Grabovsky. The author turned to social poetry and everyday life of workers and peasants, which reflected the growing politicisation of regional public consciousness. Due to Grabovsky's translations, the Ukrainian poetry in the Tomsk press represented topics of imprisonment, loneliness, and lack of freedom in the form of folklore and lyrics. His personal experience of arrest and exile contributed to the autobiographical character of his translations, emphasised expressiveness and determined his choice of T.G. Shevchenko's romantic lyrics of the Orenburg exile, composed in the style of Ukrainian folk songs. An ethnic Pole A.O. Stanislavsky (1845–1897) epitomizes another type of translator, aimed at enlightening the population and forming educated elite. Stanislavsky came to Tomsk of his own free will. He was a mature person with a rich social, publishing, literary and production experience in Russia and Europe. For the Tomsk periodicals he translated a lot of foreign prose, with over forty translations published from 1890 to 1895. He translated mainly from French (five translations from A. Daudet, six from G. de Maupassant). There are also a number of works, whose author was not indicated. Stanislavsky's preferences included ironical stories, typical entertaining anecdotes, conveying the historical and cultural flavour of Europe of the Franco-Prussian confrontation, and psychological detective stories from the lives of representatives of various social strata. In his critical essays, he rejected newfangled decadent and symbolist trends and was more oriented to realism. Another individual strategy defining the atmosphere of the Tomsk period of the late 19th century can be traced in numerous publications by P.L. Chernevich. If A. Stanislavsky, I. Severnyy, P. Grabovsky created predominantly artistic translations, P. Chernevich contributes as a reviewer of modern philosophical ideas and European thought, giving the vector of their perception among the developing university

community and local population. His confrontation to decadance is reflected in his apology for a high love feeling and criticism of anti-religious tendencies in European culture. He also paid much attention to creative assimilation and rethinking of F. Nietzsche, who determined the spirit of the late 19th century. On the one hand, the analysed artistic and translation strategies in the Tomsk pre-revolutionary periodicals demonstrate a distinct identity, not determined by political or social themes exclusively. The cycles by migrants Grabovsky and Stanislavsky realise autobiographical motifs, the theme of exile and the Franco-Prussian war, and the preference for native literature as a culture donor. Siberian authors Pochekas and Chernevich are more focused on transferring universal views on contemporary and classical literary, theatrical and philosophical works from various foreign cultures. On the other hand, the translated literature in Tomsk in the last decades of the 19th century has a number of common features related to the recognised genre samples of the romantic era in its various manifestations: from sentimental, elegiac and narrow motives to love themes, both in prose and in poetry.

References

1. Gorenintseva, V.N., Nikonova, N.Ye., Olitskaya, D.A. et al. (2016) *Perevody angliyskoy i amerikanskoy literatury v dorevolyutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of English and American literature in the Siberian pre-revolutionary periodicals]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000551807>.
2. Nikonova, N.Ye., Olitskaya, D.A., Gorenintseva, V.N., et al. (2016) *Perevody frantsuzskoy literatury v dorevolyutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of French literature in the Siberian pre-revolutionary periodicals]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000551810>.
3. Nikonova, N.Ye., Seryagina, Yu.S., Olitskaya, D.A., et al. (2016) *Perevody nemetskoj literatury v dorevolyutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of German literature in the Siberian pre-revolutionary periodicals]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000538818>.
4. Goldin, V.N (2014) *Zabytye imena tobol'skikh poetov* [Forgotten names of Tobolsk poets]. [Online] Available from: <http://www.proza.ru/2014/06/04/388>.
5. *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni*. (1884–1905) [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000349027>.
6. Yatsimirskiy, A.I. (1906) Oppman Artur [Oppman Arthur]. In: Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [The Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. pp. 348–349.
7. Slavnin, P. (1953) Poet-revolutsioner [A revolutionary poet]. In: Babushkin, N.F. (ed.) *Tomsk: literaturno-khudozhestvennyy sbornik* [Tomsk: A Literary and Artistic Collection]. Issue 7. Tomsk: [s.n.]. pp. 73–77.
8. *Sibirskaya zhizn'*. (1894–1919). [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000349025>.
9. Larkovich, D.V. (2017) K voprosu o prirode modal'nosti v lirike T.G. Shevchenko perioda orenburgskoy ssylki [On modality in lyric poetry by Shevchenko of the Orenburg exile period]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 3(203). pp. 25–31.

10. *Sibirskiy listok*. (1890–1919).
11. Platonova, I.F. (2004) Pavlo Grabovskiy v Tobol'ske [Pavlo Grabovsky in Tobolsk]. In: Karabulatova, I. S. (ed.) *Ukraina – Zapadnaya Sibir': dialog narodov i kul'tur* [Ukraine – Western Siberia: A Dialogue of Peoples and Cultures]. Proc. of the Conference. Tyumen', 2004. S. 56-59.
12. Dyatlov, V.I. (ed.) (2010) *Migratsii i diaspory v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX – XX i XX – XXI vekov* [Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. The turn of the 20th and 21st centuries]. Irkutsk: Ottisk.
13. Chernova, I.V. (2015) *Obraz polyaka v sibirskikh periodicheskikh izdaniyakh kontsa XIX – nachala XX v.* [The image of the Pole in the Siberian periodicals of the late 19th – early 20th centuries]. In: Mulina, S.A. et al. (eds) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii Rossiyskoy administratsii, pereselentsev i korenykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th – early 20th centuries in the perception of the Russian administration, immigrants and indigenous peoples of Siberia]. Omsk: KAN. pp. 354–361.
14. Mayrhofer, J. et al. (1977) *Evropeyskaya poeziya XIX veka* [European Poetry of the 19th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.